

ванию их профессиональной деятельности на новых традициях, главными из которых являются демократизация системы управления, распределение полномочий и ответственности среди подчиненных. Таким образом, ценностные ориентации несут двойную нагрузку, являясь основой творческого потенциала руководителей и выступая стимулом развития экономики в целом.

¹ Кочубей Б. Казарма или толпа — для иного надо быть личностью // Знание — сила. 1991. № 8. С. 44.

В. В. РОВДО

ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА К ДЕМОКРАТИИ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

В нынешних условиях кризиса и нестабильности, когда каждый шаг республики к демократии совершается с оглядкой назад, а новые политические институты работают со сбоями и не всегда плодотворно, целесообразно, на наш взгляд, обратиться к богатому материалу теоретических и эмпирических исследований проблемы перехода от тоталитаризма и авторитаризма к демократии, накопленному мировой политологией.

Изучение условий и предпосылок демократии имеет давнюю традицию, восходящую к Аристотелю, который связывал различия политических устройств с социальными условиями, а именно, с соотношением сил богатых, бедных и средних слоев населения в том или ином полисе. Французский политический философ XIX в. де Токвиль основное внимание уделял равенству возможностей. По его мнению, широкое распределение богатств и особенно земельной собственности, а также знаний создали благоприятные условия для утверждения демократии в Америке.

Современная западная политология, и в частности англо-американская, продолжает эту традицию, обращая основное внимание на социо-экономические, политические и культурные предпосылки демократии. В 50-е гг. в связи с набирающим силу процессом деколонизации и возникшей проблемой политического и социального устройства освободившихся стран на Западе возникла теория модернизации. Она исходит из того, что общественные институты в отставших в своем развитии странах должны эволюционировать в сторону современных форм, воплощенных в западных демократиях. Постепенно, мирным путем в них будут утверждаться стабильные правительственные структуры, развиваться умеренное политическое участие масс. Они окажутся институциональными рамками экономического роста и повышения образовательного уровня граждан, которые, в свою очередь, обеспечат устойчивые тенденции демократизации и стабилизируют демократические политические режимы.

Более поздние теории модернизации, например концепция А. Инкелса и Д. Смитса, перенесли акцент на формирование индивидуальных ценностей с помощью средств массовой информации, образования, урбанизации, занятости в индустриальном секторе. По мнению авторов, современные ценности, включающие универсализм, который подразумевает, что все равны перед законом и рынком, веру в успех, ориентацию на будущее, а также равенство и доверие, означающее, что все имеют право на участие в принятии решений, могут способствовать экономическому и политическому прогрессу, утверждению в итоге жизнеспособной демократии¹.

Таким образом, теория модернизации отстаивает идею прямой зависимости между уровнем социально-экономического развития страны и степенью демократичности ее политической системы. Но подобный прямолинейный подход оказался неспособным объяснить целый ряд фактов, не вписывающихся в рамки концепции. Он не объясняет, к примеру, почему такие экономически процветающие страны, как Саудовская Аравия и Кувейт, являются абсолютными монархиями. С другой стороны, почему демократические институты оказались достаточно прочными и устойчивыми в таких относительно неразвитых странах, как Коста-Рика и Индия.

В конце 60-х гг. теория модернизации подверглась суровой критике. В частности, профессор Гарвардского университета С. Хантингтон обратил внимание на то, что в модернизирующихся обществах политическое участие развивается быстрее политической институционализации. Особенно это характерно для стран, где ожидания улучшения материального положения не

совпадают с возможностями экономического роста. Молодые демократические институты слабы и не справляются с обобщением требований мобилизованных новых политических групп, которые в силу этого ищут нелегитимных каналов достижения своих требований. По мнению Хантингтона, экономическая и социальная модернизация не обязательно ведет к появлению современных политических институтов. Напротив, нередко она приводит к политическому упадку².

Значительная часть политологов Запада связывает предпосылки демократии не с модернизацией вообще, а с определенным ее типом — капиталистической модернизацией. Одним из первых ученых, теоретически обосновавших это положение, был Дж. Шумпетер, доказавший, что исторически современная демократия росла вместе с капитализмом и находилась в причинной связи с ним.

На наш взгляд, это утверждение в целом справедливо. Капитализм и демократия развивались бок о бок как части общего процесса, направленного против неравенства, тирании, меркантилизма феодального общества. Оба стремились к освобождению человека из мертвенных объятий ограничений, навязанных традициями, к ослаблению власти, базирующейся на статусе, происхождении человека. В силу этого и капиталистической, и демократической традиции свойственны некоторые общие ценности: преданность свободе и индивидуализму, ограничение власти правительства, равенство граждан перед законом, рационализм.

Вполне очевидной является также связь демократии с рынком. Свобода рынка — возможность распоряжаться собственностью или трудом, невзирая на статус, — основывается на демократических гражданских правах, и наоборот, демократия способствует развитию рыночных отношений. Неоконсервативное направление в современной западной политологии абсолютизирует это положение. Его представители в американской политологии И. Кристол, М. Новак, Д. П. Мойнихэн и др., обосновывая неразрывную связь демократии и капитализма, не желают видеть диалектической противоречивости этой связи. М. Новак, например, подчеркивает, что и демократия, и капитализм проистекают из одной и той же логики, одних и тех же моральных принципов, культурных ценностей, институтов и предрасположенностей. Он считает, что хотя извращенные формы капитализма и демонстрируют время от времени способность обходиться без демократии, естественная логика капитализма ведет к демократии. «Экономические свободы без политических непрочно, поскольку свободные в экономическом отношении граждане вскоре начинают требовать политических свобод... С другой стороны, государство, не признающее ограниченности своей власти в экономической области, неизбежно разрушает свободы в политической сфере»³.

Однако изображать взаимоотношения капитализма (точнее, развитой рыночной экономики) и демократии только как гармонию, на наш взгляд, неправомерно. Их связь является более сложной и неоднонаправленной. Близка к истине точка зрения американских ученых Г. Макклоски и Дж. Заллера, не ограничивающихся описанием «демократическо-капиталистического консенсуса», а исследующих противоречивое единство этих явлений. «Конфликты в отношениях между демократией и рыночной экономикой вытекают из различных перспектив этих двух традиций. Капитализм в первую очередь заинтересован в максимизации частного дохода, в то время как демократия своей целью видит максимизацию свободы, равенства и общественного блага»⁴. Из этих различий следуют и другие. Капитализм оценивает каждого человека в соответствии с тем, насколько дефицитен его талант, какой вклад он вносит в производство. Демократия же применяет единственный в своем роде, но приблизительно эквивалентный критерий ко всем людям. Капитализм утверждает, что свободный рынок есть не только наиболее эффективный, но и справедливый механизм распределения материальных благ и услуг. Демократия же защищает право большинства народа в случае необходимости смягчить социальные и экономические бедствия путем ограничения рыночного механизма.

Современный индустриальный капитализм порождает мощные частные интересы, концентрацию богатств и капитала. Это в определенные периоды может представлять угрозу целостности демократического процесса. В свою очередь, народное большинство, выдвигающее требование государственного регулирования использования собственности, защиты окружающей среды, распределения доходов, соблюдения безопасных стандартов выпускаемых продуктов, сильно бьет по рынку и системе свободного предпринимательства. Макклоски и Заллер считают, что противоречие капитализма и демокра-

тии можно разрешить путем формирования соответствующей политической культуры и социализации политических элит.

Большое внимание современная англо-американская политология уделяет политическим предпосылкам демократии. По мнению английского политолога У. Корнхаузера, зарождение демократии возможно только в плюралистических обществах, основанных на балансе классов и религиозных групп, объединяющихся в многочисленные конкурирующие между собой организации. К. Дойч считает, что социальная мобилизация, приводящая к таким политическим результатам, как расширение числа участвующих в выборах, является важнейшим условием процесса демократизации. Д. Растио связывает продвижение к демократии с наличием национального единства, с сознательным усвоением политиками и электоратом демократических принципов, легализацией социальных конфликтов⁵.

По мнению Р. Даля, необходимо объединить социо-экономический и политический подходы, изучать политическую соревновательность в комплексе с социально-экономическим уровнем развития того или иного общества. В то же время он подчеркивает, что более важным является не уровень социально-экономического развития, а степень равенства условий. Даль считает «наиболее благоприятными для развития политической соревновательности такие обстоятельства, когда доступ к средствам насилия или социально-экономическим санкциям либо широко рассредоточен, либо в нем отказано как оппозиции, так и правительству»⁶. Он определяет демократию как «систему, в которой все граждане имеют свободные возможности, во-первых, формулировать свои предпочтения; во-вторых, высказывать их другим гражданам и правительству посредством индивидуальных и коллективных действий; в-третьих, иметь гарантию, что их предпочтения оказывают влияние на деятельность правительства»⁷.

В демократическом обществе, по мнению сторонников плюралистической школы политологии, неизбежна определенная напряженность в отношениях между политическим участием граждан и консенсусом основных социальных сил по ключевым вопросам общественного устройства. Плюралистическая демократия поэтому всегда предполагает нахождение и поддержание баланса между властью и ответственностью граждан и руководителей. По мнению Г. Алмонда и С. Вербы, создателей теории политической культуры, разрешить это противоречие помогает «гражданская культура». Она ограничивает активное политическое участие масс, одновременно поддерживая на высоком уровне его потенциал. Осознание гражданами необходимости власти демократических элит требует от них относительной пассивности, невовлеченности в сферу компетенции правительства, почитательности к властям. С другой стороны, гражданская культура предполагает высокий уровень компетентности граждан в политических вопросах, их готовность участвовать в политической жизни. Демократия обеспечивает механизм такого участия. Это, в свою очередь, является источником давления на правящую элиту, вынуждает ее быть ответственной перед гражданами. Алмонд и Верба подчеркивают, что там, где политическая культура и политическая структура находятся в дисбалансе, нестабильность общества неизбежна. В то же время они настаивают, что политическая культура определяет политическую структуру. В изданной под их редакцией книге «Пересмотренная гражданская культура» (1980) Алмонд и Верба утверждают, что «развитие специфических культурных моделей в отдельных странах объясняется их особым историческим опытом... Политическая культура — это одновременно и зависимая, и независимая переменная величина, и структура, имеющая причину и сама таковой являющаяся»⁸.

Таким образом, в англо-американской политологии выработан целый ряд подходов к анализу предпосылок демократии. Наиболее плодотворными, на наш взгляд, являются комплексные исследования этой проблемы, включающие анализ социально-экономических, политических и политико-культурных моментов. Разработанные в рамках плюралистической школы компаративные методы исследований процессов демократизации могут при определенной адаптации применяться для изучения политических процессов в нашей республике.

¹ См.: Inkeles A. and Smith D. *Becoming Modern*. Cambridge, 1974. P. 315.

² См.: Huntington S. P. *Political Order in Changing Societies*. New Haven, 1968. P. 17; 21.

³ Novak M. *The Spirit of Democratic Capitalism*. New York, 1982. P. 15.

⁴ McClosky H., Zaller J. The American Ethos: Public Attitudes toward Capitalism and Democracy. Cambridge, 1984. P. 7.

⁵ См.: Vanhanen T. The Emergence of Democracy: A Comparative Study of 119 States. Helsinki, 1984. P. 12.

⁶ Dahl R. Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven, 1971. P. 2.

⁷ Ibid. P. 51.

⁸ The Civic Culture Revisited Almond G. and Verba S. Boston, 1980. P. 29.

А. Н. МАХМАДОВ, Н. Е. ПОТАПЕНКО

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МАРГИНАЛ ИЛИ ЛИЧНОСТЬ В ПОГРАНИЧНОЙ КУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ

Одной из актуальных проблем в межнациональных отношениях сегодня является феномен маргинальности в его личностном и социокультурном аспектах. Это понятие применяется к социальным общностям (национальным, культурным и др.) как пограничное или промежуточное. Обычная классическая фигура маргинала — человек, приехавший из села в город в поисках работы, который оторван от норм деревенской субкультуры, но не усвоивший городскую субкультуру.

Сугубо культурологических позиций концепция «маргинальной личности» разрабатывается Э. Стоунквистом с 30-х гг. В соответствии с этой концепцией в процессе интеграции в «доминирующую группу» общества члены подчиненных групп (этнические меньшинства) приобщаются к ее культурным стандартам. Таким путем формируются «культурные гибриды», неизбежно оказывающиеся в маргинальной ситуации, т. е. на краю как доминирующей группы, никогда их полностью не принимающей, так и группы происхождения.

В современной западной социологии существует две точки зрения на явление маргинальности. Западно-европейская, в частности французская, уделяя определенное внимание поведенческим особенностям этого типа личностей, изучает объективные социальные предпосылки его появления. В американской социологии сохраняется номиналистический подход с ярко выраженной психологизацией этой проблемы.

В широком смысле понятие маргинальности может быть применено к любому индивиду, несколько отклоняющемуся от норм. Маргиналы социально контролируемы, так как на периферии коллективности они вынуждены выполнять несущественные роли в коллективном плане, пытаясь самосохраниться¹.

К сожалению, в трудах наших специалистов-обществоведов этот вопрос не был затронут. Даже простое научное сопоставление на уровне национальных культур, обычаев, языков считалось нарушением этики межнациональных отношений и выступлением против дружбы народов. Хотя интерес к этому явлению прослеживается у классиков русской литературы, которыми дан художественный анализ «периферийной» личности, «лишних» людей. Для понимания сущности современного «нового человека» необходимо учитывать роль фактора маргинальности, характеризующего разрыв социальных связей, деиндивидуализацию и денационализацию личности.

Понятие «национальный маргинал» имеет четыре составляющих в промежуточном положении единичного: этническую, социальную, государственную и территориальную.

Культурная ситуация для отдельного человека в ограниченном пространстве соответственно складывается из условно разграниченных элементов: культурная традиция конкретного этноса, сложившаяся при долговременном проживании на данной территории, интеркультура нации в целом и субкультура социальной группы, где он закрепляется в процессе жизнедеятельности. Эти культурные слои, как правило, личность без труда аккумулирует в своем сознании при благоприятных условиях, главное из них — постоянное нахождение в национальном образовании. Национальный маргинал — человек, оторванный от своего национального образования, потерявший этносоциокультурные взаимосвязи, обуславливающие его устойчивое жизненное положение. Ощущение непривязанности к конкретной данности толкает на поиски своего места, связи с другими образованиями. Абсолютное несовпадение этносоциокультурных ситуаций прошлого и настоящего в его жизни дает эффект промежуточности состояния, которое сопровождается внутренним и внешним дискомфортом, выраженным в образе мыслей и действий.

Поэтому процесс адаптации и интеграции в новой культурной ситуации